

*О. Ю. Осьмухина**

ХРОНОТОП ГОРОДА В ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНАХ Н. СВЕЧИНА

Цель статьи — выявить ключевые особенности хронотопа города в детективном цикле об Алексее Лыкове современного нижегородского прозаика Н. Свечина. Были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, метод целостного анализа художественного произведения. В результате было установлено, что уникальность Нижнего как города-организма, города-лабиринта воплощена в «Завещании Аввакума», «Охоте на царя» и «Хрониках сыска». В «Завещании Аввакума» хронотоп города сужается до хронотопа ярмарки, предстающей «городом в городе» и воплощен синтезом хроникально-бытового и календарного времени, а также бытового пространства ярмарки. Художественное пространство и время играют в тексте сюжетобразующую роль. Именно «Завещание Аввакума» открывает «нижегородские» тексты в составе цикла («Охота на царя» и «Хроники сыска»), в которых пространственная составляющая является не только фоном разворачивания детективных коллизий, но и смысловым центром, катализатором сюжетного разворачивания. В романе «Охота на царя», события в котором хронологически начинают развиваться в 1880 году, основное действие также происходит в Нижнем Новгороде, хотя кульминационный момент в сюжетном разворачивании сопряжен с хроникально-бытовым временем (февраль 1881 года) и локусом собора Александра Невского. Во всех новеллах детективного сборника «Хроники сыска» во временном отношении происходит совмещение далекого и близкого (время личных судеб вписано в историческое), в пространственном — малого (дом) и большого (Нижний Новгород, губерния, Россия) хронотопов. Новеллистическая форма позволяет придать частному случаю всеобщий смысл: конкретные события, центральное действие в том или ином рассказе сопрягается с жизнью героя, со временем истории, эпохи «больших реформ».

Ключевые слова: Н. Свечин, современная русская проза, детективный цикл, хронотоп города, локус, хронотоп.

* Осьмухина Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. osmukhina@inbox.ru

The aim of the article is to identify the key features of the city chronotope in the detective cycle about Alexei Lykov by the contemporary Nizhny Novgorod novelist N. Svechin. The following research methods were used: comparative-historical, typological, method of holistic analysis of the artwork. As a result, it was established that the uniqueness of Nizhny as a city-organism, a city-labyrinth is embodied in «Avvakum's Testament», «The Hunt for the Tsar» and «Chronicles of the Investigation». In «Avvakum's Testament» the chronotope of the city is narrowed down to the chronotope of the fair, which appears as a «city in the city» and is embodied by the synthesis of chronicle and everyday time and calendar time, as well as the everyday space of the fair. Artistic space and time play a plot-forming role in the text. It is «Avvakum's Testament» that opens the «Nizhny Novgorod» texts in the cycle («The Hunt for the Tsar» and «Chronicles of the Investigation»), in which the spatial component is not only the background for the unfolding of detective collisions, but also the semantic centre, the catalyst of plot unfolding. In the novel «The Hunt for the Tsar», the events in which chronologically begin to develop in 1880, the main action also takes place in Nizhny Novgorod, although the climax in the plot unfolding is conjugated with the chronicle and everyday time (February 1881) and the locus of the Cathedral of Alexander Nevsky. In all the novellas of the detective collection «Chronicles of Detective Investigation» there is a combination of distant and near (the time of personal destinies is inscribed in the historical one) in temporal terms, in spatial terms — small (house) and large (Nizhny Novgorod, province, Russia) chronotopes. The novelistic form allows us to give a private case a universal meaning: specific events, the central action in this or that story is juxtaposed with the hero's life, with the time of history, the era of «great reforms».

Keywords: N. Svechin, modern Russian prose, detective cycle, city chronotope, locus, chronotope.

Общеизвестно, что со второй половины XIX в. города достигают вершины своего развития, численность населения их увеличивается, они становятся центрами индустриальной, политической и социокультурной жизни. Если в предыдущие эпохи урбанистические мотивы были репрезентованы в мировой словесности опосредованно (достаточно вспомнить модели идеальных городов в «Утопии» Т. Мора, «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, «Городе солнца» Т. Кампанеллы или изображение города как фона для развития сюжетных коллизий, к примеру, в «Картинах Парижа» Л.-С. Мерсье или в «Молль Флендерс» Д. Дефо), то крупнейшие европейские и русские прозаики XIX–XX вв. — В. Гюго, О. де Бальзак, Г. Флобер, Ф. М. Достоевский, Э. Золя, М. Пруст, М. Горький, Б. Пастернак, М. Булгаков, А. Солженицын, М. Шишкин, П. Акройд, М. Эмис и др. — обращались в своих произведениях к урбанистической тематике, которая в конечном итоге перерастает в мифологию города [2–3; 6–15; 19–21; 23].

Справедливости ради отметим, что одним из первых феномен города (Москвы и Петербурга) был исследован Н. П. Анциферовым в работах «Душа Петербурга» (1922), «Быль и миф Петербурга» (1924) и «Петербург Достоевского» (1926), «Москва Пушкина» и «Петербург Пушкина» (1950). Исследователь при этом мыслит город живым организмом и расширяет ароматической «составляющей» понимание города, предложенное Вернон Ли, которая определяет город как «воплощение божества местности», которое есть «сам город, сама местность, как она есть в действительности; <...> речь его — это форма земли, наклон улиц, звуки колоколов или мельниц» [12, с. 419]. Д. С. Лихачев

рассматривает город в рамках проблемы исторической преемственности развития культуры. По его мнению, «образ города предстает перед нами в двух аспектах: в аспекте синхронии — его внешний облик как наглядная данность, и в аспекте диахронии — восприятию его как истории, как становления культуры» [7, с. 565]. По мнению К. Г. Исупова, «наш век формирует двойное отношение к Городу. С одной стороны, это пространство отчуждения, распадающихся связей, механизированной жизни <...>. С другой — это Дом» [12, с. 52]. Анализируя образ Северной столицы, ученый полагает, что, «Петербург — город-декорация, фасад Империи, город-театр, обитатели которого призваны к жестоко регламентированному ролевому поведению. Петербург, благодаря «регулярной» архитектуре, стилистической градостроительной пестроте превращается в «город-компilацию, города-коллекцию и город-музей» [12, с. 18]; одновременно — это «город-жертва, каменный каприз, воздвигнутый на зыбкой стихии» [12, с. 54]. Идея изучения города как текста принадлежит В. Топорову, детально осмыслившему «петербургский текст» русской культуры. Ученый полагал, что «Петербургский текст» представляет собою «не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход а *realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата <...>. Текст, следовательно, обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы, и этой связью с внетекстовым живет и сам Петербургский текст, и те, кому он открылся как реальность, не исчерпываемая вещно-объектным уровнем» [20, с. 125].

Подчеркнем, что образы того или иного города как особого топографического пространства, места пребывания героя, фона развития сюжетных коллизий, всегда находили отражение в литературе. С одной стороны, город формировал свой тип личности, оказывая весьма значительное влияние на становление характера, ценностных ориентиров того или иного персонажа, с другой — являлся самостоятельным живым существом, неким социальным, культурным, политическим «организмом», определяющимся особой топографией (достаточно вспомнить, к примеру, Петербург Ф. Достоевского, Лондон Ч. Диккенса или Париж В. Гюго).

Особое место в этом ряду занимает Нижний Новгород, ставший объектом пристального внимания и западных (Т. Готье, Л. Кэрролл, А. Дюма), и отечественных прозаиков (М. Горький, П. Мельников-Печерский, В. Короленко, В. Соллогуб и др.), причем не только в публицистике, но и в художественных произведениях разных жанров (мемуары, эпистолярные, травелоги и др.). Нижний изображается топографически точно, во всей неповторимости архитектурного и природного ландшафта, более того, объектом внимания художников слова становятся локусы Волги и Оки, а также нижегородская ярмарка, получившая в XIX в. международное значение [2]. В этом контексте весьма примечательно творчество современного нижегородского прозаика и краеведа Николая Свечина (наст. имя Николай Викторович Инкин), лауреата премии в области литературы и кино «Русский детектив» (2021), автор тридцати четырех книг, действие которых разворачивается в конце XIX — начале XX в. на просторах Российской империи (от Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-

Петербурга, Риги, Тифлиса, Варшавы и др. до Сахалина, Семипалатинска, Иркутска и Владивостока), персонажами становятся не только вымышленные, но и реально существовавшие лица, а детективный сюжет подан в мощном историческом антураже — это касается и детализированной топографии, но и основанных на архивных материалах монументальных комментариях-разъяснениях по поводу тех или иных эпохальных событий, государственных деятелей, религиозных общинах, политики Российского государства и др. [4; 22]. Как сам писатель отметил в одном из интервью, «Я всегда любил историю, ещё со школы ею интересовался. Поэтому в словосочетании «исторический детектив», для меня главное слово «исторический». В моих книгах мало загадок, головоломок, ложных ходов. <...> Для человека, который любит этот жанр, я просто неумеха. Но истории там с избытком» [5].

В детективном цикле о сыщике Алексее Лыкове именно городу принадлежит особая роль. Не случайно в заглавие первого романа цикла «Завещание Аввакума» (2005) вынесено имя великого уроженца Нижнего Новгорода, а эпиграфом избрана известная реплика Т. Готье: «Я знал Санкт-Петербург, Москву, но мне еще неведом Нижний Новгород. А можно ли жить, не повидав Нижнего Новгорода!» [16, с. 5]. Концептуальное заглавие и эпиграф как части заголовочно-финального комплекса способствуют прогнозированию, предположительной реконструкции ожидаемого текста, скрепляют общую ткань произведения. Более того, если заглавие настраивает на сюжет, сконцентрированный вокруг борьбы за право обладания «идеологическим завещанием Аввакума», «бесценным документом» для любой из ветвей старообрядчества, владение которым определит не только «главенство в старообрядческой среде, а следовательно, в среде торгово-промышленного капитала России, который в недалеком будущем возьмет власть в этой стране» [16, с. 67], то эпиграф из Т. Готье способствуют расширению концептуально-ассоциативного пространства — задает, во-первых, хронотоп всего романа (хронотоп города становится определяющим). Во-вторых, вектор авторской оценки: «Завещание Аввакума» прочитывается не просто как детектив, посвященный расследованию убийств, связанных с желанием различных раскольничьих сект завладеть уникальной рукописью «мятежного протопопы», но как апология Нижнего конца XIX столетия. Не случайно именно с Т. Готье полемизирует читающий его записки о России главный герой, возмущенный «узостью» оценок французского писателя, касающихся весьма ограниченной цветовой палитры для описания ярмарки: «У Теофиля Готье попалась ему вчера странная фраза — о том, что для описания Нижегородской ярмарки в цвете хватило бы лишь охры, жженой сиены, кассельской земли и битума. <...> Неужели для рассказа о таком величественном зрелище легкомысленному французу хватило бы четырех красок? Воистину нация верхоглядов и самодовольных дилетантов... Русскому оку тут было чем вдохновиться!» [16, с. 36]. И далее взгляд героя фокусируется на ярмарочном многоцветье с ее сверкающим металлом Железно-Сибирским рядом, «красной громадой» собора Александра Невского, «покрытого белой жемчужной» и т. д.

Нижний Новгород в романе — «карман империи», центр социальных противоречий, город возможностей и потерь, урбанистический повествова-

тельный тоpos — является не просто фоном развития сюжетных коллизий, но предстает неким живым организмом, живущим особой жизнью, не укладывающимся в представления о «купеческом» российском городе. Не случайно уже в первой главе повествователь указывает на «особый» статус Нижнего, именуя его «четвертой столицей» Российской империи, каковой он становится «лишь на полтора месяца в году, с 15 июля по 25 августа. <...> Город делает ярмарка, знаменитая, самая большая в мире по оборотам, самая населенная, самая шумная. Нигде такой больше нет» [16, с. 7].

Подчеркнем, что хронотоп Нижнего, с одной стороны, традиционен для детективного жанра — фикциональный сюжет, детективная интрига разворачивается в четко обозначенных времени и пространстве (реальный город с реальной топографией во вполне конкретном времени, что создает эффект достоверности). С другой стороны, хронотоп города, представленный мнихронотопами квартиры Лыкова на Благовещенской улице, Макарьевской частью, где главный герой первоначально служит помощником квартального надзирателя, ювелирным магазином Гаммеля, трактиром Кузнецова, полицейским управлением и т. д., постепенно сужается до пространства ярмарки, предстающей при этом своего рода городом в городе (не случайно ярмарке, её «устройству» посвящена в романе отдельная глава).

Хронотоп ярмарки в «Завещании Аввакума» Н. Свечина — это хроникально-бытовое время (создающее эффект объективной реальности, ибо время развивается последовательно, день за днём сыщики ведут расследование, постепенно погружаясь в перипетии преступного мира, конфликты и противоречия противоборствующих старообрядческих общин), календарное время (оно обозначено вполне конкретно: действие начинается 14 июля 1879 года), ретроспекция (воплотена в исторических вставках, служащих комментарием к истории раскола и старообрядческих течений, проясняющих прошлое Буффало и т. д.) и «реальное», бытовое пространство ярмарки — огромная территория от берега Оки до Бетанкуровского канала, включая Пески, охватывающая не только многочисленные торговые ряды, но и Гостиный двор, «злачные места, куда полиция и не совалась» (площадь Самокаты с притонами Кузнецова и Сушкина, «мельницы» — тайные игорные дома в Кунавине) и др. Хотя временные границы в романе достаточно четко очерчены и обусловлены вектором сюжетного развертывания (перед полицейским управлением поставлена задача расследования убийств и обнаружения преступников в кратчайшие сроки), пространству в композиции отведена более важная роль, нежели времени. Фактически всё сюжетное действие в «Завещании Аввакума» разворачивается на ярмарке, наиболее ожидаемом событии года, но, в отличие, к примеру, от гоголевской ярмарки («Сорочинская ярмарка»), изображённой как время праздничное, весёлое, когда возможны любые чудеса, Нижегородская ярмарка «как магнит, притягивает сброд со всех концов империи даже из-за её пределов» [16, с. 10] и а priori оказывается местом не только торгового, но и жестоких преступлений.

Ярмарка является смысловым центром произведения: именно на неё устремляются ключевые герои, здесь завязываются узлы основных сюжетных коллизий — от убийств накануне открытия ярмарки Ела́ты́нского и молодого

купца во второй ярмарочный день, попытки ограбления лавки Гаммеля, «подпольной сходимости» староверов, приезда Буффало, закрытия трактира Кузнецова с поимкой «лякинцев» и расправой над Осей Душегубом до «выявления» и поимки преступников. Пространством и временем ярмарки обусловлен счастливый исход расследования Лыкова и Благово при участии Буффало. Весьма примечательна, кстати, ремарка из не нарушающего сюжетно-композиционную логику романа «Послесловия автора», обрамляющего повествование: «Нам захотелось напомнить о ярмарке несколько необычным способом: сделать её фоном, декорацией старого детектива. Поэтому и присутствует в рассказе немного тяжеловесная глава, в которой сделана попытка расписать эту декорацию, напомнить забытую и странную музыку старинных русских названий <...>» [16, с. 219–220]. Заметим, что авторское послесловие, становящееся фактически автокомментарием, не просто задает временную дистанцию между читателем и текстом, повествуемым прошлым и современностью, но создает иллюзию объективации сознания повествователя.

Хронотоп ярмарки, кроме того, включает в себя хронотоп трактира (в трактире Кузнецова Лыков и Буффало расправляются с Осей) и непосредственно связан с хронотопом дороги. По М. М. Бахтину, как известно, на дороге «пересекаются в одной временной пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей <...>. Это точка завязывания и место совершения событий» [1, с. 177]. В «Завещании Аввакума» сюжетное развертывание, обусловленное детективной интригой, связанной с поисками преступников, расследованием, в процессе которого главный герой, действительно, встречается с самыми разными людьми, начинается с пути Лыкова на службу, а завершается дорогой к Троицкому Островоозерскому монастырю на остров Ворсменского озера, где скрывается главный «злодей» хлыстовец Свистунов.

В романе «Охота на царя», события в котором хронологически начинают развиваться в 1880 году, спустя год после истории, связанной с «мемуаром» Аввакума, основное действие также происходит в Нижнем Новгороде, хотя, справедливости ради, заметим, переносится на несколько дней в Санкт-Петербург и частично локализовано в хронотопе ярмарки (вновь одна из глав именуется «Ярмарка», однако, теперь описание её весьма схематично). Кульминационный же момент в сюжетном развертывании сопряжен с хроникально-бытовым временем (февраль 1881 года) и локусом собора Александра Невского — именно «принять» иконостасы в нём приезжает император, на которого готовится покушение народовольцами. Перестрелка и преследование террористов в лучших традициях не столько детективного романа, сколько авантюрно-приключенческих франшиз сродни бондиане, переносится именно в катакомбы собора: «Огромный темный подвал под всем храмом. И заставлен подпорными стенкам, их там десятки, настоящий лабиринт. <...> архитектор Килевейн <...> положил в основание храма своего рода огромный плот из уложенных в три ряда сосновых бревен. Сбор стоит не на земле, а на этом плоту всей своей огромной массой. Для осмотра и ремонта столь необычного основания и пришлось выстроить эти катакомбы» [17, с. 246–247]. Именно здесь в суженном, ограниченном пространстве, лишённые света, в полной темноте дезориентированные герои вступают в схватку со злоумышленниками: «Уже в шаге

от люка была египетская тьма. Сыро, холодно, под ногами хрустит лед. <...> в темноте, из засады, их можно перебить без особого риска <...>» [17, с. 257].

В «Хрониках сысках», представляющих собой «цикл в цикле» — это цикл рассказов, действие в которых развивается параллельно сюжетным перипетиям «Завещания...» и «Охоты...» в 1876–1881 гг., хронотоп города в четырех новеллах расширяется до масштабов губернии и тяготеет к эпичности: Лыкову и его начальнику Благово приходится расследовать преступления в имении Благово в Чиргушах Лукояновского уезда («Чиргуши»), в селе Вершинино Сергачского уезда, где «выросло целое поколение душегубов» [18, с. 118] («Злые люди»), Санкт-Петербурге (локализован официальными инстанциями, посещаемыми героем) и Чуварлее («Вохра»), в Сормово («Случай в Окском батальоне»). Временипространство трех новелл фактически ограничено Нижним Новгородом («Дело молитовских отравителей», «Убийство в губернской гимназии», «Смерть провизора»). При этом во всех новеллах во временном отношении происходит совмещение далекого и близкого (время личных судеб вписано в историческое), в пространственном — малого (дом) и большого (Нижний Новгород, губерния, Россия) хронотопов. Новеллистическая форма позволяет придать частному случаю всеобщий смысл: конкретные события, центральное действие в том или ином рассказе сопрягается с жизнью героя, со временем истории, хроносом эпохи «больших реформ». Благодаря ретроспекции, во многом проясняющей психологический портрет преступника и разъясняющей мотивы того или иного преступления, многообразию хронотопов (пространство города локализовано хронотопами гостинной, нотариальной конторы и усадьбы, где готовятся или совершаются злодеяния, как в «Деле молитовских отравителей», гимназией, общежитием и гостинной Нефедьева, как в «Убийстве в губернской гимназии» и т. д.), создается иллюзия достоверности происходящего, а также конструируется образ ёмкой, стереоскопической реальности, передаётся неповторимый колорит «большого» города конца XIX столетия.

Итак, в детективном цикле Н. Свечина об Алексее Лыкове читателю представляется многоликость, многомерность Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии конца XIX столетия. Очевидна индивидуальная специфическая репрезентация образа города, отражающая авторский замысел: сотворение не только увлекательного детективного сюжета, не лишённого правдоподобия, реконструкции событий отечественной истории, с Нижним Новгородом непосредственно взаимосвязанных, но прежде всего — воссоздание исторического «портрета» старинного русского города, его хронотопа. Уникальность Нижнего как города-организма, города-лабиринта воплощена в «Завещании Аввакума», «Охоте на царя» и «Хрониках сыска». В «Завещании Аввакума» хронотоп города сужается до хронотопа ярмарки, предстающей «городом в городе», и воплощен синтезом хроникально-бытового и календарного времени, а также бытового пространства ярмарки. Художественное пространство и время играют в тексте этого романа сюжетобразующую роль. «Завещание Аввакума» открывает «нижегородские» тексты в составе цикла («Охота на царя» и «Хроники сыска»), в которых именно пространственная составляющая (локусы гостинной, гимназии, поместья и др.) является не только фоном развития детективных коллизий, но семантическим центром, катализатором сюжетного развертывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
2. Белкин Д. И. Нижний Новгород в творчестве и судьбе русских классиков // Белкин Д. И. Русские писатели на земле Нижегородской. Н. Новгород, 2003. С. 155–159.
3. Борискин В. В. Восприятие Лондона русскими путешественниками в 50–60-е годы XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2 ч. Ч. I. С. 26–28.
4. Дзюба Е. М. Топосы Варшавы в художественном осмыслении Н. Свечина (детективный роман «Варшавские тайны» (1887 год)) // Нижегородский текст русской словесности: сборник статей по материалам V Международной научной конференции / отв. ред. В. Т. Захарова. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15–04–14068). Н. Новгород: Мининский университет, 2015. С. 208–214.
5. Интервью с Николаем Свечиным: «История сыщика Лыкова подходит к концу». URL: <http://literatura.today/interview/intervyu-s-nikolaem-svechinym/>.
6. Кондаков И. В. Город как текст: структура, культурная семантика, смысловая динамика // Образы города в горизонте российской динамики: научный сборник / отв. ред. М. В. Новиков, Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 46–67.
7. Лихачев Д. С. Образ города и проблема исторической преемственности, развития культур // Раздумья о России. СПб: LOGOS, 1999. С. 552–570.
8. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской Среды. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45.
9. Майер А. С. Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города: дис. ... канд. ист. н. М., 2008. 303 с.
10. Маринина Ю. А. Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. н. Н. Новгород, 2007. 22 с.
11. Москва в русской и мировой литературе. Сборник статей. М.: Наследие, 2000. 304 с.
12. Москва и Петербург: Pro et contra: диалог культур в истории национального самосознания: антология / сост. К. Г. Исупов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 711 с.
13. Петербург в русской поэзии (XVIII — начало XX века): Поэтическая антология / сост., авт. вступ. статьи и комм. М. В. Отрадин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 384 с.
14. Петербург в русском очерке XIX века / сост., авт. предисл. и комм. М. В. Отрадин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 375 с.
15. Рубан А. А. Образ Парижа во французской литературе конца XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2004. 20 с.
16. Свечин Н. Завещание Аввакума. М.: Эксмо, 2022. 224 с.
17. Свечин Н. Охота на царя. М.: Эксмо, 2022. 288 с.
18. Свечин Н. Хроники сыска. М.: Эксмо, 2023. 480 с.
19. Толмачева Н. Ю. Образ Нижнего Новгорода в раннем творчестве М. Горького: дис. ... канд. филол. н. Н. Новгород, 2011. 238 с.
20. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 612 с.
21. Топоров В. Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
22. Юхнова И. С. Нижегородский детектив Николая Свечина // Духовная культура нижегородского региона: опыт системного описания: коллективная монография. Под

редакцией М. Г. Уртминцевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 161–165.

23. Osmukhina O., Tanaseichuk A., Kazeeva E., Sharonova E. Provincial town chronotope specifics in G. Flaubert's «Madame Bovary» // *Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research*. 2018. № 2(8). P. 198–192.